

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ С МАКСИМОМ ГОРЬКИМ.

Мы встретились в этот день с Алексеем Максимовичем не впервые. Уже, когда он приехал в Москву, в вагоне мы имели возможность приветствовать Горького от имени Нижнего и в тот же день вечером, во время свердловского торжества в Большом театре, поговорить с ним о его первых впечатлениях от приезда в СССР.

Алексей Максимович в восторге, в неопишемом восторге от всего нового, что он видит у нас. Москва неузнаваема. «Словно я здесь не шесть, а 25 лет не был». Прекрасный народ, талантливый народ делами теперь доказывает, какие чудеса он в состоянии сотворить.

А разве сам Горький не являлся живым свидетельством того, какие возможности скрывали в себе народные массы. О талантах народных масс Горький писал много еще на заре своего творчества. Вся жизнь он в них верил и перед ними преклонялся. Теперь на фактах нашей действительности он убеждается, насколько основательны были и его вера, и его надежда на лучшее будущее этого народа.

Действительность превосходит ожидания. «Кто бы мог еще десять лет тому назад предполагать, что это так именно будет», — вот мотив, который часто слышится в беседе с Горьким. Алексей Максимович как бы еще раз

передумывает собственные ошибки прошлого. Кто мог, действительно, лет десять, девять, восемь, даже семь лет тому назад предполагать, что мы достигнем таких крупных успехов на всех участках нашего строительства. Снеговоз холод и голод, снеговоз почти вымершие города, снеговоз как бы парализованные фабрики и заводы, кто мог прозреть такие быстрые перемены. Для этого надо было быть или глубоко образованным теоретиком-лещицем, или, по крайней мере, активным подпольным профессионалом-революционером. Алексей Максимович не был ни одним и ни другим. Он был и остался прежде всего художником. В качестве такового он служил и служит делу рабочей революции, занимая на этом посту почетнейшее место. Именно теперь он весь горит желанием всюду и везде подчеркивать наши достижения, оновестить о них весь мир и содействовать их дальнейшему росту.

О Нижнем Алексей Максимович слушает с удовольствием. Не потому, конечно, что это Нижний — его родной город. Этот момент, может быть, и играет некоторую роль в отношении Горького к Нижнему, но про А. М. нельзя сказать, что он страдает «ограниченностью родного порога». Ему о Нижнем приятно слышать, главным образом, потому, что в Нижнем бьет ключом новая жизнь, социалистиче-

ская стройка, что вокруг него, как бы по мановению волшебного жезла, выросли чудесная, омеяющаяся Балахна и сердитое хамитское Растягино. Алексей Максимович любит Нижний не потому, что он остался таким, каковым он был во времена кавалинского Алеши, собиравшего тряпичья в завоулках ярмарочных рядов, а именно потому, что Нижний изменился до неузнаваемости, что Балахна стала одним из крупных рабочих районов страны, что гигант-Сормово растет, строит новые цеха, меняет свое лицо.

Горький не был в Нижнем 25 лет. Но он хорошо помнит всю галерею здешних старожиллов, с которыми ему пришлось иметь в свое время дело. Знает кто умер, кто остался в живых, кто наш друг и кто враг, и кто ныне из бывших черносотенцев перекрасился в советский цвет...

В последнее время Алексей Максимович переписывался о нижегородских делах с А. И. Мурашовым. Когда А. М. от последнего получил книгу о десятилетиях советской власти в Нижегородской губ. и подробно узнал о растущей нашей стройке, то испытал такое великое удовольствие, как в те далекие дни, в которые он впервые познакомился с произведениями русских классиков.

И радио-лаборатория, и университет, и детская ясли, и ночной диспан-

сер, и физио-терапевтический институт, и новая библиотека, и фабрики и заводы, — все это досконально известно Горькому, и все это его невыразимо радует.

Горький весьма высокого мнения о работе нижегородских краеведов. Алексей Максимович совершенно правильно придает исключительное значение локальному методу в изучении производительных сил страны и специфических особенностей разных сторон жизни отдельных ее районов. Только при помощи этого метода мы можем получить точную картину происходящих в стране разнообразных процессов.

**

Мы бы охотно продолжали нашу беседу с Горьким, но подошло время его очередных визитов у московских рабочих. Конечно, Горький не может бывать везде и удовлетворить даже половинны получаемых приглашений.

Надо оговоренно сказать, что Москва переборщала в отношении последних. В то время, когда Горького надо падить, эконоимить расход его энергии и здоровья, его приглашают чуть ли не в 6—7 мест в течение одного дня. И как ни старается горьковский комитет оправивить визиты Горького, все же получается явный излишек.

Но это не все. Беда, что свою любовь к Горькому многие считают необходимым выпажать в приветствиях,

ставших чуть ли не трафаретом. А Горькому не это нужно. Ему нужен деловой осмотр и показ всего, что у нас происходит. В клубе им. Кухмистерова тов. Бухарину пришлось убеждать работников отдельных фабрик и заводов поменьше Горького приветство-

вать общими словами, а побольше ему рассказать о том, как у нас живет рабочий, ничего не преумножая, но и ничего не приукрашивая. Не под этим ли впечатлением Алексей Максимович вручил нам следующее обращение к нижегородцам:

Товарищи и земляки!
Приведу в 20-е число
уборщицею прочу, не зло
саме изелити ззо. и аццнаго
муща, ой асаюса. ино ваши
работы. т а са ит и а в з руки
четанци от ай а и д е с е н т о в
До свидания!

А. Горький

*1
**
Вдем вместе с Горьким на замоскворецкую фабрику «Кр. Текстильщик». Здесь чувствуется более организованный прием писателя. Деловые разговоры с работниками, рабочими. Алексей Максимович осматривает действительно образцовые детские ясли, интересуясь мельчайшими подробностями

и восхищаясь розовенькими, советскими октябрятами.

«Бух», «бух», «бух». — что это такое? Это фотопортреты, откуда-то уже узнавшие о визите Горького и спешившие сюда со своими аппаратами последний раз заснять Горького, на этот раз в белом халате и при том на кухне с большой ложкой в руке.

«Бух» — это вспышка магния, при свете которого производится снимок. Горького по 6—7 раз в день снимали, как он выразился, у него уже начинало глаза болеть от этих магниевых вспышек.

Идем удовольствие ехать с Горьким дальше. На этот раз на всесоюзный съезд пищевиков Горький имеет к нам прямое отношение. Он, ведь, был когда-то подручным пекаря.

Съезд с неоправданным энтузиазмом встречает желанного гостя. Горький кратко отвечает на приветствие. Он, ведь, не из ораторов. Он не столько умеет говорить, сколько разговаривать, беседовать с аудиторией. Он передает несколько деталей из истории участия булочников в прежней борьбе с царем и капиталом. А дальше он опять говорит о достижениях.

Но вдруг «бух» — опять магний. Выхожу из зала: «бух» — опять магний! Алексей Максимович возвращается домой, чтобы полчаса спустя поехать в Госиздат на заседание, посвященное созданию по его инициативе нового журнала «Наши достижения».

Этот журнал будет создан. По мнению Горького, у нас прежде всего имеются достижения, а потом уже недочеты. Алексей Максимович кажется, что мы слишком нападаем друг на друга, выставляя наши недостатки, что

это в наших собственных глазах иногда преуменьшает объем наших достижений.

Журнал «Наши достижения» должен будет фиксировать наши успехи во всех разнообразных областях приложения строительства и помогать новым достижениям. Идет речь о переводе его на иностранные языки для того, чтобы пропагандой, фактами прочно привлекать еще более широкие массы трудящихся на сторону СССР.

В журнале будут принимать участие виднейшие работники нашей страны и в том числе Алексей Максимович — особенно по вопросам литературы.

**

Мы встретились еще раз с Горьким на следующий день, на Красной площади. На это воскресенье был профсоюзом назначен парад московским физкультурникам. Алексей Максимович, стоя у мавзолея, разглядывал площадь во всю ее длину. С востока храм Василия Блаженного — живой памятник династии Иоанна Грозного; с запада — Исторический музей с, как бы жалко смотрящими с вышек башенными, двумя двухглавыми орлами; над проливом мавзолея 6. верхне-торговые ряды — живой памятник силы в старой России торгового капитала; сзади черная стена Кремля, а вся площадь полна десятками тысяч физкультурников и физкультурниц. Здесь, на площади буйные всходы новой жизни, победившей отдающую от окружающих

ее памятников старины. Июньские лучи солнца еще больше согревают собранную пролетарскую семью, и когда в ожидании церемониального марша, рабочая братва затягивает «По рекам, по волнам», то невольно мурлыки по телу бегают, и мир кажется в этот момент прекрасней.

— Кто мог бы что-нибудь подобное ожидать десять лет тому назад,— говорит Алексей Максимович, пожмая плечами.

Но вот появился тов. Томский. Раздается команда «смирно». 32 тысячи человек в спортивных костюмах разных цветов как бы замирают на месте. Еще несколько минут, и Алексей Максимович вместе с Томским принимает парад.

Идут, идут, идут. Прошел час, другой, а все идут, молодежь, весело, и, кажется, конца этому монументальному ревишу не будет. И все приветственную Горького, который, смотря на этот праздник здорового духа в здоровом теле, неоднократно прослезился.

Можно бы на этом о параде кончить. Но хочется подчеркнуть еще один момент.

На параде присутствовал, имеющий мировое имя, еврейский писатель Шолом Аш. За несколько недель до этого он приехал в СССР, чтобы, как он нам сказал, — «посмотреть на эту страну» и особенно проверить, как живут трудящиеся еврейское население в сельскохозяйственных колониях на юге.

Аш имел разные периоды в своем

творчестве и одно время это был талантливнейший изобразитель радостей и страданий еврейских социальных низов. С исключительной художественной силой Аш проливоставил «Больский» переулочек, в котором жили физически крепкие, любящие жизнь и труд социальные низы, «Синагогальному переулочку», населенному верующим еврейским мелочеством, с его средневековыми идеалами аскетизма (сборник «Юность», роман «Мотылек вор», драма «Бог мести» и др.). В эпоху реакции Аш отошел от низов и стал певцом отживающего класса еврейских куниц и романтиком еврейского национализма.

Но прошли годы. Аш переоценил старые ценности. И, если в начале революции он относился с нескрываемой злобой к пролетарской России, то теперь, под давлением жизненных фактов, Аш признал свою ошибку. Он старается теперь доказать, что только в трудовых массах, в той свободе, которую они получили в Советском Союзе, спасение трудящихся евреев.

Аш был в этот же день утром, еще до парада, у Горького. Алексей Максимович был несказанно рад, что такой художник, как Шолом Аш, за нас, за СССР, что и он восторженно и удивленно спрашивает себя: кто мог бы что-нибудь подобное ожидать еще десять лет тому назад...

Останется ли Горький в СССР? Вот

вопрос, который многих и у нас интересует. Алексей Максимович не может дать на этот вопрос определенного ответа. Если бы климат СССР даже на юге подходил для здоровья А. М., он бы, конечно, ни на минуту не поколебался остаться в СССР. Но дело в том, что такого климата, как в Сорренто, нигде у нас нет. Ведь, вот прожил там Горький несколько лет и чувствует себя относительно сносно.

Итак, трудно сказать, сможет ли А. М. уже теперь навсегда остаться в СССР. И, впрочем, кто бы из нас на этом настаивал, зная, что для здоровья Горького ему нужен иной климат? Вопрос решат врачи. А пока Алексей Максимович пробудет в Москве до 20—22 с. м., затем поедет на день в Тверь, и оттуда по Волге к нам, в Нижний. Здесь он пробудет один—два дня, чтобы затем, как он нам сказал, по Оке заехать в Павлово и Выксу. После А. М. направится в Казань, Самару, Саратов, Сталинград, Баку, Ростов на Дону, Украину и Ленинград, и к осени вернется в Москву, где и решит вопрос о дальнейшем.

Напишет ли он книгу об СССР? Где и когда? Мы не задавали этого вопроса Горькому. Но, конечно, необходимо время для того, чтобы колоссальная масса впечатлений отложилась в сознании художника. Даст ли он художественное полотно разворачивающегося у нас строя,—это покажут ближайшие годы. Но для нас важно, что Горький

полон бодрости и решимости работать для революции, и только для нее. При встрече с московскими комсомольцами Горький заявил:

— А все же... вы, товарищи, лучше меня чувствуете нового героя. Вам нужно взять на себя задачу отображения этого героя в литературе. Нельзя возлагать это на меня. Моё дело—петь панихиду умершему классу. Покончить с теми, которые не хотят строить социализм, а норовят развести уютный садик, в нем скамеечку, а на ней сидеть за самоваром и пить чай. Моё дело доказать, что «счастье вдвоем» теперь не выйдет. А вы должны показать счастье коллектива.

Алексей Максимович в высшей степени скромный, особенно, когда он говорит о себе. Но если он, со своим гениальным пером художника даст только то, о чем выше сказано,—а он даст, надеемся, больше,—то и этим он сослужит огромную службу революции.

Хоронить мелочество—не только в отношениях людей к вещам, но и в отношениях людей между собой—это и означает очищать путь новой культуры, ее создавать. Этот мелочество, он уже чувствуется у нас Горьким, и Алексей Максимович готовит против него свой разящий меч, и вместе с рабочим классом он поможет выправить мелочество из нашего быта, из нашей новой жизни.

Я. ЗБИНЕВИЧ.